

Владимир ТАЙХ

Незабываемый голос

Я был поражён. В канун моего восьмидесятилетия вдруг мне приснился я сам в возрасте 10 лет. Я увидел события того дня, давно забытые, но где-то во мне так точно сохранившиеся, что я смотрел этот сон и знал всё, что будет дальше. Память опережала картинку.

Был тёплый весенний день 1946 года. Утро. Я сбежал, вернее, слетел с четвёртого этажа, прыгая через пять ступеней, автоматически, не глядя под ноги. Прогромыхал трамвай в сторону улицы Белинского, значит, не скоро следующий. Можно идти по рельсу, балансируя рукой с зажатым в ней дерматиновым портфелем. Родной Пролетарский бульвар! Спросил у деда: "Почему ты говоришь: "Французский бульвар"? И мама тоже?"

— Раньше так назывался, переименовали.
— А почему?
— В честь пролетариата Франции.

Знаю, что опаздываю в школу, но попробуйте по рельсу идти быстро и не свалиться. Мысли мои отсутствовали начисто или витали так далеко, что их можно было считать отсутствующими.

И вот главное, что заставило сохранить этот день в области, близкой к подсознанию, случилось возле одного из красивых двухэтажных, обычно с наглухо закрытыми дверями и окнами, особняков. Я не понял, что это было. Я замер, слетел с рельса. И вовремя. Женщина в кабине трамвая, мчавшегося со стороны Пироговской (ватман), отчаянно била ногой по нагелю, ударяющему по плоскому колокольчику под полом кабины.

Трамвай уже долетел до стадиона "Спартак", а я всё смотрел в открытое сегодня настезь окно расписного особняка, медленно выходя из протрации. И, наконец, понял. Из окна выливались волшебные звуки волшебного голоса. Песня окончилась, затем сладкий мужской голос её повторил сначала. Это было нестерпимо. Поражённый, потрясённый, я медленно двинулся к открытому окну.

— Наш, Миша Александрович... — сказал кто-то, проходивший за спиной.

Я стоял, не понимая, что со мной происходит. То горло сжимало, как тискама, то кол вставал вверх живота. "Боже, какая музыка! Какая музыка! Что мне делать?!"

Не сразу понял, что мне кричат из окна.

— Эй, тебе что надо?
Я не мог выговорить ни слова. Тыча рукой в сторону молодой девушки в окне, хрипло:
— Ээто...

Засмеялась: "Я, что ли?" Я почему-то крутил рукой, указывая, видимо, на нечто за её спиной.

— Вам побелить квартиру, мужчина?

Что оставалось? Мотал головой, хрипел, наконец, выдал: "Песня, та, Александрович".

— Нет у нас никакого Александровича. Какая песня? Спой (с издёвкой).

Кашлял изо всех сил, изрыгая, казалось, твёрдую жёлтую мокроту, и запел, непонятно, как, но запел:

— Скажите, девушки, подружке вашей, что я ночей не сплю, о ней мечтаю...

— Смотри, у тебя хороший слух. И музыкальная память. Может, через лет десять будешь петь в опере. Тогда приходи, адрес знаешь. Что стоишь, что тебе ещё? Хочешь ещё раз послушать?

В ответ только нервно закивал головой. Это последнее меня доконало. Я прислонился затылком к штакетнику под окном, дивный голос пел, а я рыдал в голос, размазывал грязь по лицу, зажимал рот, чтобы не слышно было икоты. Это не были слёзы ни радости, ни счастья. Да и отчаянию неоткуда было взяться.

— Э, парень! Господи! Что с тобой? Смотри, это пластинка. Читать-то умеешь? Поёт Сергей Лемешев. Слышал такое имя?

— Да, — сказал я, преодолевая сильную дрожь... — Нет.

— Видел кинокартину "Музыкальная история"? Он там играет и поёт.

Меня било. "Да... нет".

— Куда пошёл? Портфель твой? Иди домой, умойся, попей чаю. Вот ведь!..

В школу я не пошёл. Долго смывал грязь с лица, выпил три стакана кипятка и завалился на свою "тахту" в прихожей. Проспав часа два-три, вскочил, счастливый и бодрый, попил горячего компота из сушёной груши, угостила бабушка, мы жили большой "коммуной", и вылетел во двор. Бегом до невысокого забора из блоков ракушечника, его перепрыгнул одним махом, как обычно, и... о ужас! чуть не сбил с ног проходившего нашего учителя Афанасия — уже и отчества его не помню. Его боялись, я — очень.

— Почему не был в школе? — бил он и голосом, и глазами.

— А, — ответил я легко, даже с улыбкой, — голова болела.

— Ты хоть понял, что дальше должен сделать?

— Родителей в школу?

— Зачем мне твои родители? На завтра выучишь всё, что сегодня задали по всем предметам, спрошу с пристрастием. Разболтался, сопляк.

Непросто жить с учителем в одном доме.

Я не раз вновь и вновь пытался понять себя. Как может прекрасная музыка вызвать рыдания? В голову не приходило ничего, кроме резкого самоуничижения: "Сопляк, баба, нюня". Я был слишком юн и неразвит, чтобы ответить себе. Когда стал старше и чуть умнее, мне просто стало неинтересно размышлять об этом. Я уже знал ответ.

Проходя мимо тех, опять всегда закрытых, окон, я мысленно пел ту прекрасную неаполитанскую песню прекрасным голосом дивного певца Сергея Лемешева.

II

В седьмом классе сдавали рекордное количество экзаменов, порядка одиннадцати. Жили мы уже на Софиевской. Я готовился, лёжа на диване, изредка вставая, чтобы отрезать себе ломоть булки и толсто покрыть его вареньем. К концу сессии заметно округлился. А тут ещё родители сняли на лето комнату на даче у известного врача Хаиса, элегантно-старикана, очень приветливого, при встрече целовавшего ручки дамам. Просторный дом его — на территории дачного кооператива "Солнечный", рядом были дачи неординарных — артистов, архитекторов, городского начальства.

Никаких оград и заборов между дачами. Жизнь моя на даче нелегка. Позавтракав, я растянулся в саду толстый ковёр, ставил миску с ягодами, теми, что были в тот день, и ложился читать Джека Лондона, любимого мною Гоголя, Дюма или Жюль Верна. И так до вечера. С перерывом на обед.

И вот здесь-то в какой-то день это случилось. Из соседней дачи вышла она! Красивая, стройная. Подошла и сказала: "Привет", — будто мы сто лет знакомы. Я смотрел на неё во все глаза, меня не имело смысла спрашивать: "Вернись ли ты в любовь с первого взгляда?" Она присела на ковёр, потом прилегла и стала есть черешни из тазика, как и я, стреляя косточками, зажимая их между пальцами. Я онемел, я не открывал глаз от её губ, глаз.

— Что читаешь? "Герой нашего времени"? Интересно?

В ответ лишь только кивал подбородком.

— Да ты ешь, что застенялся? Ой, да ты ошарашен, будто влюбился. Зря, я замужем... Ну, не молчи.

— О, уже познакомились? — доктор Хаис, благоухающий духами, почти упал на колени, чтобы достать её ручку, и поцеловал, как только он умел это делать. — Кстати, Ирочка, вот вам обещанный кавалер для походов на пляж. Узнавал. Он и плавает, и ныряет с мостика, и сачком ловит рачков. То, что вы называете креветками. И сумку будет носить. Будешь?

Я часто затряс подбородком.

У меня был собственный, открытый мною, способ учить плавать даже тех, кто не только этого совсем не умел, но и воды боялся.

Через полчаса я уже с сумкой на плече вёл её на пляж 10-й станции Большого Фонтана — дальше, чем если спускаться с 12-й по крутейшему обрыву, но зато по ровной улице мимо известного заведения "Морские ванны".

В море она бесилась, как девчонка. Заходила по пояс в воду, падала, била ногами по мелким волнам, швыряла резкие струи, ударяя по воде ладонью, сложенной "лотком" или "тараном". Я отвечал тем же.

Строгий мужчина в шляпе, стоявший в воде по колени, до которых как раз доходили чёрные прилиплие к ногам трусы, раздражённо заслонял тело руками.

— Перестаньте хулиганить! Вы не одни! Есть ведь и ещё соплячники!

Услышав "соплячники", она сыграла падевание в обморок, упав на спину и раскинув руки.

По дороге на дачу спросил её, где она работает.

— К чёрту работу! У меня в первый раз такой огромный отпуск — целый месяц. А может, и больше.

Дня через три я совсем освоился, звал: "Ира, кончай валяться, спина сгорит". Иногда даже: "Ирка, пошли окунёмся!"

Ещё через день решил: "Пора учить тебя плавать".

— Знаю, как учат плавать. Кладут на воду и вроде поддерживают снизу за места, к которым женщины не разрешают прикасаться. Так?

— Совсем не так. Даже пальцем не коснись. Буду стоять в двух шагах и показывать. Резиновая шапочка есть? Нет? Пойдёт и матерчатая. Будешь ложиться на воду лицом вниз, руки вперёд, на сколько хватит воздуха от дна. Когда поймёшь, что не тонешь, что вода тебя держит, перейдём к работе рук. Это уже только для движения вперёд. Главное — научиться лежать на воде.

Через неделю она уже проплывала метров пятнадцать и приходила в восторг.

Вот тогда и случилось то, что вновь ввело меня в состояние ступора. Меня послали за овощами на рынок. Я стоял на остановке трамвая, когда меня позвали из стоявшей на шоссе машины. Это был её голос. Подбежал, дверь открылась.

— Садись.

Я сел рядом с Ириной, ничего не понимая.

И услышал:

— Так вот он каков, твой телохранитель и учитель плавания!

Человек, сидевший рядом с шофёром, смотрел на меня с улыбкой и немного насмешливо. От неожиданности я покраснел и умолк. А когда узнал его, застыл и потерял возможность даже пошевелиться. Это было совершенно невероятно! Золотой голос: "Скажите, девушки, подружке вашей..." Говорили, но я ничего не слышал. Спрашивали. Наконец, она постучала кулачком меня по плечу.

— Я тебя спрашиваю: ты когда-нибудь был в опере?

— Не-е...

— Хочешь? Сегодня в Одессе редкий праздник, приехал сам Лемешев, мы с ним поём в "Травиате". Один спектакль. Я тебя приглашаю. Оденься почище и до половины седьмого спроси в кассе пропуск на имя Хаиса, твоей фамилии я не знаю. Место в ложе бенуар. Хочу тебе понравиться, чтобы понял, что и я что-то умею. Ну, беги.

Молча вышел и даже забыл поехать на рынок.

"Травиата" меня потрясла. Я шёл до вокзала, потом ехал в трамвае до 12-й станции, мысленно повторяя не только запомнившиеся арии, но и мелодии между ними.

На даче никто не хотел вынимать моим восторгам. Когда поздно, уже в темноте, вернулся Хаис, я пристал к нему, и он терпеливо прослушал мои потуги в исполнении запомнившихся кусков оперы и текста. Я так вошёл в раж, что меня не остановило даже виденное боковым зрением. Ирина в окружении четырёх подруг остановилась невдалеке, послушали и пошли на свою дачу.

— Доктор Хаис, ведь приехал сам Лемешев!

— Так Сергей Яковлевич муж Ирины. Её фамилия Масленникова. Разве ты не знал? Она известная оперная певица.

— Теперь и он будет жить здесь?

— Нет, он только на один вечер. Он уже уехал... гастролью.

Я понял: с Ириной уроки плавания закончены. Я просто не посмею.

С утра понуро сидел на веранде, и вдруг её голос:

— Ты что раскис? Держи сумку, пошли. Сегодня ни волночки, и вода, как парное молоко.

Шли молча.

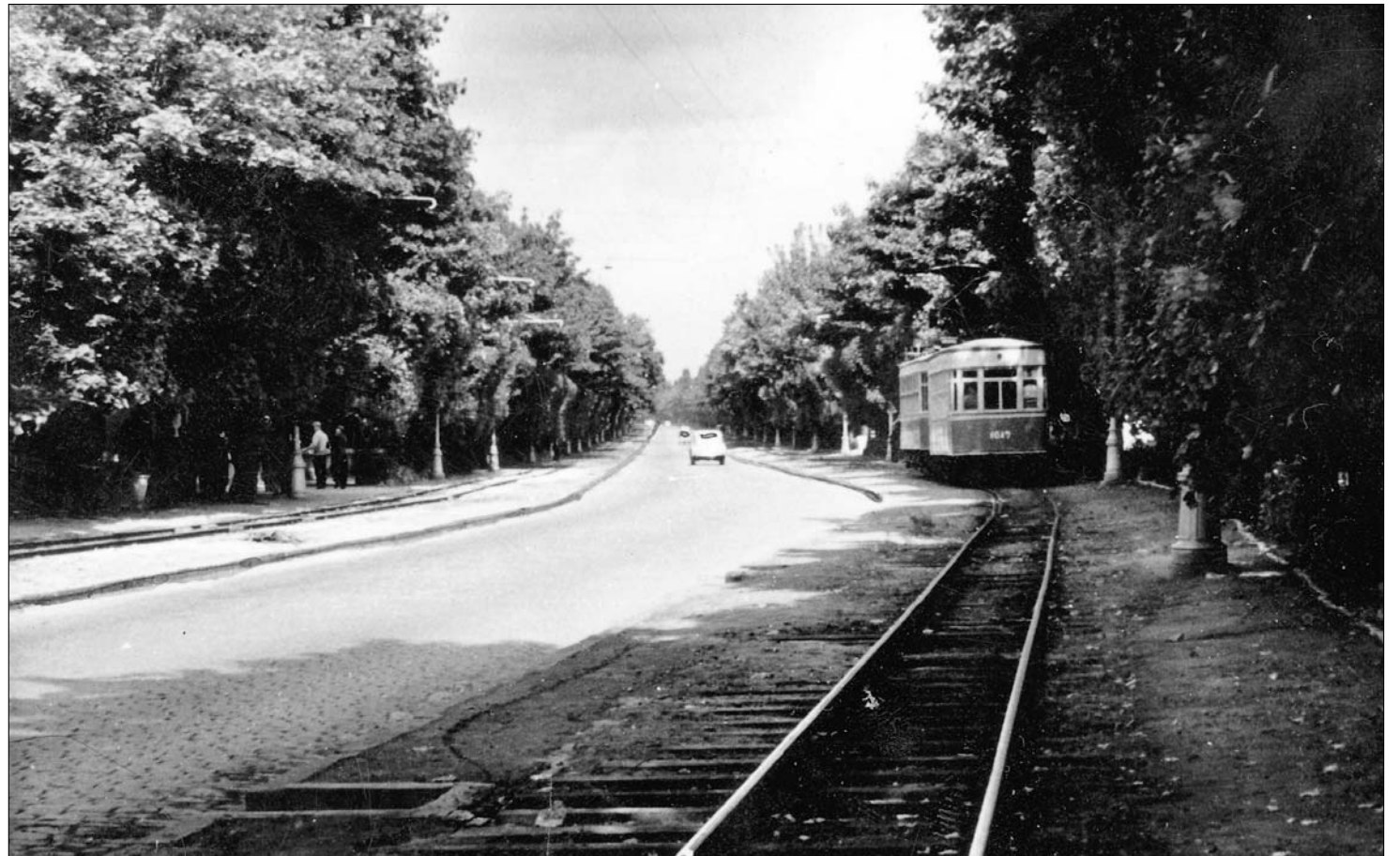
— Не спрашиваю, вижу: "Травиата" тебя захватила. Очень рада. Но есть и другие оперы. Что хочешь послушать?

— "Травиату".

— Хорошо. Я приглашена ещё на шесть спектаклей.

— Так он же уехал.
— С другим партнёром.

Шесть раз я слушал этот шедевр Верди. Я запомнил всю оперу от интродукции до финала. И музыку, и слова арий и речитативов. Не раз потом играл и пел её сам для себя. Без звука. И лишь однажды — вслух, на ушко молодой жены, тихо, когда мы в московском "Иллюзионе" смотрели снятую на плёнку великим Дзеффирелли великую оперу. Я переводил и слова, и музыку.

Одесса. Пролетарский (Французский) бульвар. Фото из проекта OLD.ODESSA.UA.